

НЕЗАВИСИМАЯ

30.08.2001

| ЭКОНОМИКА
Владимир Попов

Китай и Россия: от плана к рынку

Почему им удалось то, что не получается у нас?

Об авторе: Владимир Викторович Попов - доктор экономических наук, профессор.

В НАШЕЙ стране ВВП на душу населения составлял в 80-е годы, до рыночных реформ, приблизительно 30% американского, хотя по уровню жизни (личного потребления) соотношение было менее благоприятным - примерно 20-25% - из-за высокой доли военных расходов и инвестиций в ВВП. С тех пор мы спустились с 30 до 15% американского уровня, а Китай поднялся с немногим более 5% в 1978 году, накануне реформ, до почти 15% в 2000 году, так что ВВП на душу населения у нас сейчас с Китаем примерно одинаковый. Уровень жизни в Китае, может быть, все еще несколько ниже, чем в России, так как 40% китайского ВВП - против, грубым счетом, 20% у нас идет на инвестиции, но зато и перспективы роста из-за этого у нас разные: тенденция к стремительному сокращению разрыва между Китаем и развитыми странами налицо.

Почему в Китае не было падения производства во время рыночных реформ, как это произошло в России, СНГ, восточноевропейских странах? На эту тему написано множество статей и книг, но единого мнения у исследователей до сих пор нет, тем более что вопрос сильно политизирован. Китай был первой страной плановой экономики, начавшей рыночные реформы на 10 лет раньше, чем восточноевропейские страны и СССР.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПОД КОНТРОЛЕМ

По масштабам экономической либерализации Китай и сейчас находится где-то на уровне России и сильно отстает от восточноевропейских стран - сводные индексы экономической свободы в Китае и России в период 1995-2000 годов были примерно одинаковы; в 80-е же годы, в первое десятилетие реформ, когда более половины всех цен еще контролировалось сверху, экономической свободы и рынка в Китае было намного меньше, чем у нас в 90-е. Результаты тем не менее оказались в корне противоположными - полулиберализованная китайская экономика ускориалась, а наша либерализованная камнем падала вниз. Китайский градуализм многие стали ставить в пример - мол, вот какие впечатляющие результаты, если не ломать через коленку, а реформировать осторожно. Дело, однако, было не в градуализме.

Вьетнам после недолгих экспериментов с постепенными реформами "горбачевского" толка (1986-1989 гг.) в марте 1989 года, на 9 месяцев раньше Польши, запустил программу классической шокотерапии, одновременно дерегулировав 90% всех цен, девальвировав донг и заменив множественные обменные курсы единым. Никакого спада, однако, не последовало, напротив, экономический рост, как и в Китае, ускорился (в случае Вьетнама - до 7% в год в 90-е годы).

Получается, что две соседние страны, имеющие схожий уровень развития, структуру хозяйства и экономическую культуру, продемонстрировали впечатляющую способность к экономическому росту в переходный период вопреки кардинальным, казалось бы, различиям в экономической политике - Китай следовал курсом постепенных реформ, поддерживая долгое время двухканальную систему цен и реализации продукции (плановую и рыночную), тогда как Вьетнам создал полноценный рынок товаров в ночь с воскресенья на понедельник. Значит ли это, что

стратегия перехода к рынку не играет никакой роли? В общем, да, именно так и получается, если под стратегией понимать скорость реформ: темпы либерализации - это третьестепенный фактор экономической динамики, есть более важные факторы, которые исследователи упустили, заиклившись на споре "шокотерапия или градуализм".

Несколько огрубляя, можно сказать, что таких решающих факторов три. Во-первых, исходные условия, наследие прошлого, степень деформации экономики плановой системой. Во-вторых - способность государства обеспечить сильные работающие институты, без которых либерализация (рыночная экономика) не работает. Эту институциональную составляющую "правильной" политики фактически просмотрели и шокотерапевты, и градуалисты, сконцентрировавшие свои усилия на спорах о второстепенном, по сути, вопросе о темпах экономических реформ. И наконец, в-третьих, макроэкономическая и промышленная политика, стимулирующая рост. В Китае было и то, и другое, и третье.

Бремя прошлого для китайских реформаторов не было столь тяжелым, как в Восточной Европе и СССР, из-за низкого уровня развития и индустриализации и относительно низких военных расходов.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТОСТИ ЭКОНОМИКИ

В Восточной Европе и СССР, напротив, более высокий уровень развития обернулся одновременно и большей степенью материализации диспропорций в виде деформированности основных фондов. Чтобы преодолеть эти диспропорции и перевести ресурсы из одних отраслей в другие, нужно было затратить больше инвестиций в сравнении с ВВП, а коль скоро этих инвестиций не было, падение производства оказалось неизбежным.

Один из возможных обобщающих показателей эффективности государственных институтов - степень доверия фирм и граждан к власти в том, что касается защиты экономических прав и свобод, поддержания нормального инвестиционного климата, здесь страны СНГ прочно занимают последнее место по результатам всех имеющихся опросов. По данным глобального опроса фирм в 69 странах о доверии государственным институтам, страны СНГ отстают от всех регионов, в том числе и от Африки.

Другим обобщенным измерителем эффективности институтов может служить финансовая мощь государства - доля государственных доходов в ВВП. До рыночных реформ в бывшем СССР государство не только детально регламентировало экономическую жизнь, но и обладало не меньшей финансовой мощью, чем в странах Центральной Европы, перераспределяя через бюджет порядка 50% ВВП. Это позволяло бесплатно предоставлять большой объем коллективных благ (образование, здравоохранение, наука) и высокий уровень социальной защиты. Во время перехода к рынку доля государственных доходов в ВВП стала снижаться во всех переходных экономиках. Однако в странах Центральной Европы и в Эстонии процесс вскоре был остановлен и даже повернут вспять, тогда как в большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы он продолжался и привел к падению доли госдоходов в ВВП в 1,5-2 раза.

В Китае сокращение госрасходов относительно ВВП происходило за счет обороны, субсидий и инвестиций, тогда как расходы на "обычное правительство" (включающее в себя все остальное - от образования до правоохранительных органов) росли примерно тем же темпом, что и ВВП. В России же, где ВВП в 1996 году едва дотягивал до половины предкризисного уровня, реальные расходы на "обычное правительство" снизились почти в 3 раза! Такое резкое снижение реальных объемов финансирования привело к фактическому разрушению старых государственных институтов и не оставило средств на создание новых.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет "романа" постсоциалистической трансформации - сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. Как минимум на 90% это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации (market failure).

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

И наконец, последний фактор - макроэкономическая и промышленная политика. С инфляцией (макроэкономическая политика) в Китае практически всегда было все в порядке, даже лучше, чем в большинстве стран Восточной Европы, а в последние годы инфляции в Китае вообще нет, в 1998-2000 годах цены снижались.

Есть два варианта промышленной политики - импортзамещение и поощрение экспорта. Грубо говоря, в рамках первого варианта приоритет отдается слабым и неконкурентоспособным отраслям, тогда как в рамках второго варианта стимулируются, напротив, сильные и конкурентоспособные отрасли.

СССР периода индустриализации и дальше, коммунистический Китай до реформ, Латинская Америка и Индия до 90-х годов, развивающиеся страны социалистической ориентации практиковали именно импортзамещающую промышленную политику, стараясь обеспечить экономическую независимость. Эти попытки неизменно заканчивались одним и тем же - созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые еще могли кое-как функционировать в тепличной протекционистской среде, но рассыпались, как карточные домики, при первом столкновении с иностранной конкуренцией. При субсидировании слабых отраслей за счет сильных развитие неизменно заходило в тупик: сильные отрасли, из которых изымались средства, хирели, а слабые так и не становились жизнеспособными.

Другая стратегия - создание государством стимулов к перемещению ресурсов в конкурентоспособные и уже преуспевающие отрасли - подталкивающая структурную перестройку в том направлении, в котором она уже идет, неумолимо увлекаемая силами рыночной конкуренции. Она проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже - в странах ЮВА и в Китае и привела к впечатляющим результатам. В Китае именно экспорт был мотором экономического роста, а доля экспорта в ВВП выросла с 5% в 1978 году до более 20% сегодня.

А вот в СНГ и особенно в России эта промышленная стратегия была и остается ориентированной на импортзамещение. А в Китае производство ни в каких отраслях не падало, просто в одних росло на 20% в год, а в других - на 7%.

Говоря строже, успех реформ в Китае определяется уникальным сочетанием трех неперменных факторов роста - свободного рынка, эффективного государства и правильной макроэкономической (низкая инфляция) и промышленной политики (поддержка экспортно-ориентированных отраслей). Кажется, ничего сложного, не бином Ньютона, вроде бы рецепты известные, а вот, поди ж ты, у других стран и не получается.